

САКРАЛЬНАЯ ГЕОГРАФИЯ ИЖЕМЦЕВ НИЖНЕГО ПРИОБЬЯ¹

Е.Е. Ермакова*, Н.А. Лискевич**

На основе полевых материалов рассматривается практика ритуального освоения пространства у коми Нижнего Приобья, материальными маркерами которой являются обетные и придорожные кресты. Прослеживаются история появления сакральных объектов, связанные с ними представления и ритуальная практика и их изменения в начале XXI в.

Ижемцы, урочище Кресты, Мужы, обетный крест, придорожный крест.

В последние годы возрастает интерес к изучению культурного ландшафта, разрабатывается методика исследования и предметная сфера, унифицируется терминология (например: [Культурный ландшафт..., 2001; Иванова и др., 2009; и др.]). В рамках культурного ландшафта рассматриваются также сакральная география и мифоритуальная практика освоения пространства. Тема эта очень значима и в рамках фундаментальной науки, и в контексте жизни локальных этнических групп. Изменение среды обитания, атеистическая идеология XX в. стирали и материальные маркеры почитаемых мест, и связанные с ними представления, ритуальную практику. В то же время современные поиски идентичности — культурной, конфессиональной — способствуют реконструкции и воспроизведению религиозных символов, отражаемых в культурном ландшафте.

У ижемской группы коми Северного Зауралья, поселения которых стали появляться только с 1840-х гг., материализованными маркерами сакральной географии являлись православные объекты — храмы, кресты, места захоронений. В народной культуре и сами объекты, и их месторасположение становятся темой мифотворчества, включаются в сюжеты преданий, быличек. В ходе полевых работ 2009–2010 гг. были собраны материалы о почитаемых крестах в с. Мужы Шурышкарского района Ямало-Ненецкого автономного округа, одном из крупнейших мест расселения коми за Уралом.

Наиболее значимо в сакральной географии коми **урочище «Кресты»**. Оно находится на высокой гряде Мужевского Урала. Мужинский Урал (Мужинский Материк) относится к восточным предгорьям Урала, протянувшимся с СВ на ЮЗ параллельно Полярному Уралу на расстояние до 45 км. Высота Мужинского Урала — до 270 м. Название он получил по с. Мужы, районному центру Ямало-Ненецкого автономного округа Тюменской области, расположенному на р. Малая Обь у северо-восточного конца Мужинского Урала. Местное русское население называет эту гряду Мужевским Уралом, коми — Мужы-Из, ханты — Мужы-Кев-Ур — «Мужинская каменная гора» [Матвеев, 1990, с. 16].

Урочище расположено примерно в 8 км к западу от с. Мужы (рис. 1). У ижемцев существовала подробная вербальная карта этого оронима. О ней нам рассказал один из старожилов с. Мужы И.В. Артеев. Все урочище имеет название *Мыжи Из* (*из* 'камень, каменный' и одновременно *Из* 'Урал') [Сахарова, Сельков, 1976, с. 154], т.е. «Мужевский Урал» (второй вариант произношения — «Мужинский Урал»). Самое высокое место урочища получило название *из чул'к* 'каменистое место, возвышение' (пер. И.В. Артеева), или «каменный холм», «каменная возвышенность» (*чул'к* 'шишка, нарост, ... бугорок') [Там же, с. 237]. Место, где стоял крест, называли *пэрна чул'к* — дословно «холм, где стоит крест» (*пэрна* 'крест') [Там же, с. 207]. Низменность от Урала до Мужей имеет название *төрэл* 'ложбина у основания хребта, возвышенности' [Там же, с. 223].

Через урочище проходила дорога, по которой ездили за Урал. В XIX в. это был «главный зимний тракт, соединяющий Мужы с Ижмой» [Воропай, 2008, с. 49]. По этой дороге ходили за Урал олениводы, ездили в Саранпауль. Дорога называется *Тильтимка*, по д. Тильтим, или Са-

¹ Работа выполнена по проекту «Этнокультурные процессы у коми Нижнего Приобья в XIX — начале XXI в.» в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России».

Сакральная география ижемцев Нижнего Приобья

рантуй 'Зырянская дорога' [Артеев И.В., Чупров И.И.]. Памятно это место тем, что через него проходили ижемцы, шедшие из-за Урала в поисках новой родины. Именно отсюда путники могли увидеть Обь, хантыйский поселок, видимо остяцкие юрты Мужы Кочки (юрты Мужы-гортские, ныне д. Ханты-Мужы, расположены в трех верстах ниже по течению Малой Оби от современного с. Мужы), после основания Мужей — купол и крест церкви как символ своего, обжитого пространства [По обе стороны Двубоья, 2010, с. 141]. По преданию, записанному О.В. Голубковой от жителей с. Мужы, переселенцы отслужили здесь молебен по благополучному прибытию на новое место жительства после долгого и безлюдного перехода. Видимо, вскоре после этого события ижемцы поставили на этой возвышенности крест, сделанный из березы, с поперечной перекладиной [Голубкова, 2006, с. 102]. Действие это чрезвычайно символическое, ибо «воздвижение креста на вновь открытой ("обретенной") земле являлось исходным моментом формирования священной топографии» и в целом первой точкой в освоении изначально «чужого», «неокультуренного» пространства» [Теребихин, 2004, с. 146].

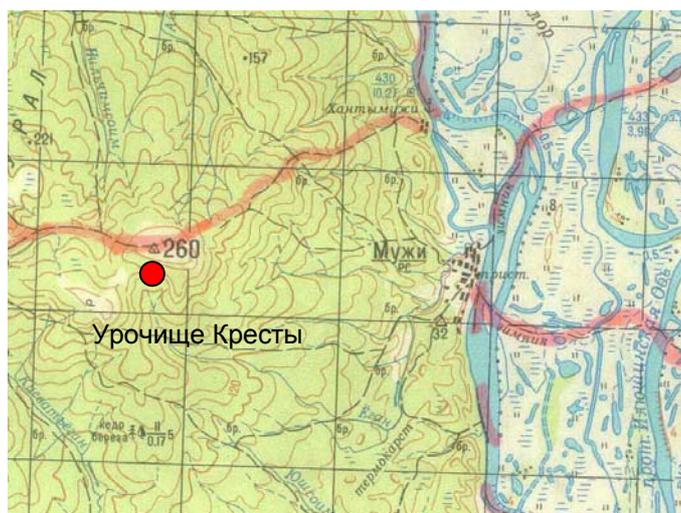

Рис. 1. Урочище «Кресты» в окрестностях с. Мужы

Письменные источники подтверждают, что крест вполне мог быть поставлен первыми коми переселенцами, заселявшими с. Мужы с 1840-х гг. Сохранилось описание креста, сделанное И.М. Воропаем, проезжавшим через село в 1886 г. и посетившим «сопку верстах в 7 на запад от Мужей»: «Тут же на площадке был поставлен деревянный крест аршин пяти вышины², покачавшийся набок от времени, весь испещренный знаками, из которых каждый изображал подпись (тамгу) проезжавших здесь когда-либо зырян, самоедов и остяков. Для человека, незнакомого с этого рода письмом, подобные надписи кажутся китайскими или татарскими буквами» [2008, с. 47–49].

В отношении урочища Кресты существует негласная традиция по мере разрушения старого ставить новый крест. Известно, что в XX в. это делали обычно по личной инициативе. В 1960-х гг. крест ставил житель с. Мужы Ф.Е. Терентьев: «Большой крест был. Я его из кедра сделал. Там в лесу и сделал, да туда поставил. Лесину вырубил, немножко стесал с обеих сторон, 4 угла сделал, крест сделал, поставил, да внизу опять две штуки поставил. Вместе связал да поставил, маленько вкопал, там камни, но можно вкопать. А фундамент — две палки вместе, сколотил, да в землю поставил. Чтоб держался. Шибко хороший был, долго он стоял. Лет 15 стоял, больше даже. Там написано было все, в каком году сделано».

Т.В. Ануфриева вспоминает, что еще в 1977 г. старый крест был «огромный», около 3 м высотой, на нем были надписи «на старом русском языке, еще с ятями». Вероятно, к началу 1980-х гг. его заменили. Новый крест был не слишком высок, около 150 см, и имел две перекладины, параллельные друг другу, причем верхняя была больше нижней в 2 раза (обычно наоборот) (рис. 2). П.Р. Черкашин отмечает, что в свое время крест был выкрашен темно-коричневой

² Около 3,5 м.

Е.Е. Ермакова, Н.А. Лискевич

краской, к 70-м годам краска почти вся облупилась, ее следы остались только в пазах, где перекладины соединялись с основанием. К 1992 г. крест у основания перегнил и упал, затем его прислонили к соседнему дереву.

Рис. 2. Кресты. 1980-е гг. Фото из семейного архива Каневой Н.А.

В августе 1994 г. П.Р. Черкашин и его брат Ю.И. Некрасов (1981 г.р.) поставили новый крест, детали для которого приготовили в Мужах и пешком перенесли их к урочищу. Перед установкой нового креста старый сожгли, подобно тому как в традициях православия, по мнению информатора, или сжигают, или пускают по воде старые иконы [Черкашин П.Р.]. Новый крест, а он был выше предыдущего примерно на 60–70 см (рис. 3), поставили на прежнее место — слева по дороге от Мужей, укрепили камнями, прочитали молитву «Отче наш» и поклонились. Вообще же у зырян постройка креста, как отметил Павел Рудольфович, есть прежде всего «индивидуальный поступок». Впрочем, это коррелирует с традицией Европейского Севера, где обетные кресты ставили «всегда конкретные люди по конкретному поводу» [Федотова].

Рис. 3. Крест, поставленный в 1994 г. П.Р. Черкашиным. Урочище Кресты, 2005 г.
Из семейного альбома П.Р. Черкашина

В 2006–2007 гг. на месте, где был поставлен «черкашинский» крест, местная администрация решила сделать место отдыха. Бригада плотников поставила здесь просторную крытую веранду со скамейками. Установленный П.Р. Черкашиным крест, в нарушение традиции, снесли и поставили новый, больший по размерам (рис. 4). Сейчас от веранды остался только настил, а ее каркас разобрали уже через год. Крест, разумеется, никто не тронул. В целом же решение администрации «окультурить» исстари почитаемое место, секуляризировать и в итоге десакра-

Сакральная география ижемцев Нижнего Приобья

лизовать его, не нашло понимания среди жителей Мужей³. В подтверждение этого следует отметить, что, несмотря на несоответствие действительности, последний из установленных крестов в селе и по сей день продолжают называть «черкашинским».

Рис. 4. Урочище «Кресты», 2009 г. Фото Е.Е. Ермаковой

До начала 1980-х гг. на этом месте стояло два креста (недаром урочище носит название «Кресты»). Они находились справа и слева от дороги, практически напротив друг друга, располагаясь перпендикулярно [Терентьев Ф.Е., Черкашин П.Р.]. После 1980-х гг. второй крест не переустанавливали. Более того, по правую сторону Тильтимской дороги вырыт большой котлован, т.е. для креста просто нет места.

Вероятно, с установкой второго креста связана легенда о пожаре: «Это было примерно 150 лет назад, еще матери мать рассказывала. В общем, три женщины поехали на гребях смолу делать. Когда они уехали, эти женщины-то, костер, видать, разводили, жарко было, и лес загорелся. Они оттуда давай быстрее бежать. На лодке уехали. Они испугались, потому что лес подступал к поселку. Зажиточные уже вещи свои, а что вещи тогда — стол, табуретки, одежда кака-то, переезжали на ту сторону. А поп собрал всех, кто мог, и по этой Тильтимке молитвой, молебном пошли. 7 километров, вот. Дотуда дошли, видать, и начался дождь. И поп сказал — вы не закрывайтесь, у Бога просили что, Бог то и дал. Да вот это, дождь погасил этот огонь, и Мужжи спаслись. Вот так пожар был потушен. Крест тогда поставили» [Чупров И.И.]. «Пожар был до революции еще, за Ханты-Мужей че-то сгорело, и туда, вверх пошел. Это мать рассказывала. Потом хрестным ходом икону взяли и туда пошли. Все бабушки туда пошли. А потом до креста стали доходить, и такой дождь начался. Ветер да дождь! После этого они и крест поставили. После пожара крест поставили. Тогда был вот такой крест, маленький. Как домик был сделан. И большой был — длинный» [Терентьев Ф.Е.]. Похожий сюжет, датируемый серединой XX в., был записан от жителей с. Мужжи О.В. Голубковой [2006, с. 102–103].

Крест, стоявший справа по движению на запад от села, имел две перекладины, двускатную кровлю (крест с «домиком»), возможно, с охлупнем и причелинами, что было характерно для оформления подобных крестов в целом на Европейском Севере и в частности на Ижме [Дмитриева, 2006, с. 66–73, 153–163; Иванова и др., 2009]. Кресты с кровлей были и у ижемцев, в том числе и тех, кто переселился за Урал [Голубкова, 2006, с. 103; Дмитриев-Садовников, 2000, с. 16].

В чем же заключается особенность урочища Кресты, символичность этого места, его сакральная маркированность? На этом «священном» месте (эпитет наших информаторов) всегда делали остановку, когда ехали по Тильтимской дороге — «Посидишь, чайку попьешь» [По-

³ Такое административное окультуривание сакрального пространства происходит и на территории Республики Коми, где «местная администрация рассматривает объекты почитания... как «культурные ресурсы» территории» [Шарапов, Власова, 2009, с. 49].

пов А.В.]. Оленеводы «молились, приносили жертву (хлеб, спиртное) и пили водку из медных колокольчиков, снимая их с оленей» [Голубкова, 2006, с. 102]. По сообщению П.Р. Черкашина, и сейчас рядом с крестом оставляют немного водки (в бутылках) и хлеб. По его мнению, это место было почитаемым и у хантов, так как по сей день ханты-охотники стреляют в крест. На старом шестиконечном кресте и том, который установил Черкашин, можно было найти выбоины от дроби. К нескольким деревьям, растущим на этом месте, кем-то привязаны цветные платки (вероятно, женщинами-ханты; традиция повязывать различные тряпочки, лоскутки характерна для почитания святых мест именно у хантов).

Придорожный крест выполнял и апотропейную функцию, о чем пишет О.В. Голубкова. Она приводит такой рассказ об этом месте: «Там (на Ижме) всегда почему-то чудилось. То ли за Урал нечистая сила не переходит. Там всегда, рассказывали, случаи разные были. А здесь — другое. Нечистая сила не могла Урал пересечь» [2006, с. 102]. Таким образом, этот крест можно считать памятным (поставлен в память о впервые увиденной новой родине) и охранительным (защищает от всякой нечисти). Повсеместно считалось, что пути, пролагаемые людьми, особенно дороги с перекрестками, открыты для действия самых разнообразных сил [Власова, 1995, с. 115]. Традиция ставить охранительные кресты по обочинам дорог и на перекрестках была свойственна и русским Европейского Севера, в частности жившим на Мезени. В связи с этим С.И. Дмитриева отмечает, что «до сих пор еще помнят на Мезени рассказы о страшных привидениях, появлявшихся на перекрестках или обочинах дорог, средством спасения от которых служили кресты» [2006, с. 71]. Также это именно то место, откуда в последний раз перед долгим спуском к пойме Малой Оби можно увидеть «Каменный пояс» — Уральские горы, географическую границу уже далекой старой родины. «Кресты» — это место, которое соединяет и разъединяет одновременно, оно служит символом двух идентичностей — ижемской и сибирской.

Сюда, по сообщению наших информаторов, приходили молиться пожилые люди: в с. Мужы церкви, после ее закрытия в 1929 г., не было до 2000-х гг. Можно предположить, что крест (видимо, какой-то один из двух) считался обетным, так как существовал обычай просить перед иконами о выздоровлении и давать обещание дойти до «Крестов». О.В. Голубкова приводит такой рассказ одного из жителей с. Мужы: «Женщина одна болела сильно. Ноги больные были. Она сказала: “Если Бог позволит, я летом Юган преяду, сяду на коленки и до креста дойду на коленках”. Так она до креста на коленках и поднялась. А люди следом шли, смотрели, чтоб не обманула, на коленках шла. <...> Она потом много лет прожила и ходила на ногах» [2006, с. 103].

В последней трети XX в. обычно ходили на Кресты в августе — сентябре, «как только начинает созревать ягода». У школьников в первое воскресенье сентября был ежегодный поход на Кресты, часто с ночевкой; в конце 1980-х гг. здесь проводили школьные военные игры, устраивали выездной двухдневный лагерь [Ануфриева Т.В.]. Помимо прагматических соображений, вообще существует установка «дойти до Крестов»; ходят, как правило, группами, так как здесь медвежья места, растет медвежья ягода (толокнянка обыкновенная), которой лакомится хозяин тайги. Зимой здесь собираются лыжники, чтобы совершить спуск по пологой горе до Мужей.

К этому месту проявляют особое уважение, здесь чувствуют некоторую робость, связанную, по мнению П.Р. Черкашина, с благоговением. Сакрализацию урочища подчеркивает и ритуализация поведения: так, на Крестах нельзя было ругаться матом, излишне громко говорить, хохотать. Эти запреты соблюдаются до сих пор. В целом шумовые запреты в горах были традиционны для коми, хотя в большей степени соблюдались вблизи вершины Тёл-поз-иза, на границе Северного и Приполярного Урала [Лимеров, 1998, с. 48–49; Сорокин, 1999, с. 49].

Вероятно, местночтимая святыня — **обетный крест** находился и в самих Мужах. А.Ф. Хозяинова помнит, что раньше в Мужах стоял крест, он был огорожен, рядом с ним росли две ели. Люди останавливались около него и крестились. Н.В. Водилова вспоминает, что вокруг этих елей была оградка из штакетника, выкрашенного голубой краской, а крест был «треугольной формы», т.е. с кровлей (как и «правый» крест на Тильтимской дороге). Более подробного описания конструктивных особенностей креста местные жители уже не могут вспомнить. О.В. Голубкова приводит данные о том, что крест был высотой «в человеческий рост» [2006, с. 103]. Он стоял рядом с домом по ул. Советской, 15. Сам дом был построен в 90-е гг. XIX в. и принадлежал зажиточному зырянину Егору Коневу (в 20-е гг. XX в. его раскулачили). Позднее в этом доме жила семья нашего информатора П.Р. Черкашина. Павел Рудольфович, со ссылкой на свою мать, Л.М. Некрасову, вспоминает, что, когда его деда, Михаила Федоровича Черкашина,

Сакральная география ижемцев Нижнего Приобья

в 1953 г. назначили начальником районной милиции и семья переехала из Ханты-Мансийска в Мужы, ели окружала оградка в виде частокола, «добротная, хотя и старая». Позже ее заменили штакетником, и оградка стояла почти до самого сноса «старого» дома в 1999 г. (рис. 5). Крест сохранялся, вероятно, до начала 1960-х гг. [Водилова Н.В.]. В 2000 г. практически вплотную к елям построили двухэтажный деревянный коттедж. Ели, уже засохшие и без ограждения, продолжали стоять примерно до 2004 г., а затем были спилены. По словам П.Р. Черкашина, ели считались «знаковыми» для топонимики поселка и служили пространственным ориентиром.

Рис. 5. Оградка у двух елей, 1977 г. Фото из семейного альбома П.Р. Черкашина

Какова история этого места, его происхождение? О.В. Голубкова пишет, что крест соорудили «по случаю падежа оленей в 1910-х гг.» [2006, с. 103]. Действительно, по данным Н.А. Повод, в 1911 г. были зафиксированы «большой падеж» из-за сибирской язвы [2006, с. 83]. Быть может, постройка креста как-то связана и с днем св. Власия (11 февраля), когда с 1899 г. в этот день в Мужах проводили крестный ход по случаю падежа скота [Справочная книга..., 1913, с. 35]. Можно также предположить, что этот крест был конечной точкой крестного хода, который шел до него от церкви и обратно (часто в народной культуре обе точки крестного хода были семантически маркированы). Вообще же крестные ходы у коми воспринимались как «магическое окружение — об этом свидетельствует сам термин для обозначения их — *gögörtöm*, т.е. «окружение» [Сидоров, 1997, с. 214] (ср. на ижем. *gögörtны* — «обходить, обойти», *gögrös* — «круглый, округлый» и др.) [Лыткин, Гуляев, 1970, с. 148].

Обетные кресты как объекты народного православия характеризуют культурный ландшафт всего Европейского Севера, в том числе современные Лешуконский, Мезенский, Холмогорский, Пинежский районы (Архангельская обл.) (см.: [Иванова и др., 2009; Дмитриева, 2006]). Обетные кресты могли обносить оградой [Дмитриева, 2006, с. 153–159]. Перед ними «кропили коров», просили здоровья, на них «вешали оветы» (обетные полотенца) [Иванова и др., 2009, с. 94, 111]. Традиция почитания обетных крестов была характерна и для ижемцев Европейской России [Шарапов, 2006, с. 21]. Прежде таких крестов было много, но они рушились от времени, и многие уже не возобновлялись. Часто кресты ставились по случаю избавления от падежа скота. На Ижме, в животноводческом крае, падеж скота был великим несчастьем, равносильным неурожаю, потому так памятно было избавление от бедствия.

Существовала и другая легенда, связанная с возникновением этого места: будто бы здесь похоронены две сестры, и поэтому посадили две ели и сделали «могильную оградку». Скорее всего, это поздняя версия мифологизации места, которой стали придерживаться жители с. Мужы, видимо, уже не помня первопричину постройки креста. Впрочем, версию о могильных бугорках исключать не следует, так как известно, что коми некрещеных младенцев хоронили рядом с домом [Шарапов, 1999, с. 227–229], а традиция хоронить умерших рядом с домом была характерна для всего Европейского Севера [Дмитриева, 2006, с. 67]. Наши информаторы не помнят якобы могильных бугорков внутри оградки, однако трепетное отношение к этому месту проявлялось в запрете ее открывать. Здесь есть своя историко-мифологическая основа. П.Ф. Лимеров доказывает, что «особенностью традиционного мировоззрения коми является его

сугубая ориентация на диалог с миром умерших» [1998, с. 27]. Вероятно, набор ассоциаций, связанных с крестом и елью, вызвали сюжеты о месте погребения двух сестер. Придорожные кресты генетически родственны надмогильным, выполняя с ними общую обережную функцию [Голубкова, 2006, с. 104]. У ижемских коми, живущих в бассейне р. Обь, *лэрна* — одновременно и крест, и надмогильный крест, и наперсный крест [Шарапов]. Ель в традиционном мировоззрении коми была семантически маркированным деревом. Образ ели в фольклоре коми связывается с именем небесного бога Ена, а «у вычегодских коми говорят по этому поводу: “ель — это священное дерево, потому что под ним когда-то укрылся от преследователей Иисус и, впоследствии, пометил это дерево — теперь на его ветвях всегда можно увидеть крестик, и повелел людям делать из этого дерева нательные кресты”» [Шарапов, 2001, с. 298]. Ели, кроме того, обозначали «направленность движения в нижний мир» [Шарапов, 1993, с. 131]. Н.Д. Конаков отмечает, что «в оппозиции жизнь/смерть коз (ель. — *Е.Е.*) обнаруживает причастность к миру мертвых. <...> В похоронном обряде ветками коз было принято устилать путь на кладбище перед погребальной процессией». Известно, что само место, где стоял крест, располагалось в 100–150 м от старого кладбища⁴.

В середине 2000-х гг. в центре Мужей на берегу Оби по инициативе церкви и поддержке местных предпринимателей был поставлен придорожный восьмиконечный металлический крест с надписью «Господи спаси и сохрани Россию», охраняющий путников и проходящие суда (рис. 6). Место установки креста было выбрано не случайно. Во-первых, роль большой дороги в северном поселке традиционно играет река — летом ходит водный транспорт, зимой по реке проходит зимник. Раньше место, где установлен крест, называлось «Почтовская гора», так как мимо проходил тракт, было построено здание почты. На Почтовской горе традиционно устраивались праздничные гуляния, катались на лыжах, санках; сотрудники современного музея «Коми изба» организуют здесь празднества на Троицу [Ануфриева Т.В.].

Рис. 6. Современный крест на берегу Оби в с. Мужы, 2009 г. Фото Н.А. Лискевич

Таким образом, в с. Мужы и его окрестностях выявлено бытование четырех крестов, установленных в разное время — в середине XIX, начале XX и начале XXI в. Два из них — придорожные, два — обетные, выполняющие охранительную функцию. Высокие придорожные кресты, расположенные на возвышенностях, могли служить также ориентирами.

По традиции установка придорожного креста на Тильтимской дороге являлась индивидуальным действием, в отличие от обетных, которые ставили по коллективному обету (за защиту от пожара, падежа скота). Современные защитные кресты в селе и урочище устанавливали по официальному решению, это было коллективное действие. Форма крестов различалась. Изначально это были сооружения в форме шестиконечного креста, в то время как на Европейском Севере чаще встречаются восьмиконечные, распространившиеся под влиянием старообрядче-

⁴ Между современными улицами Молодежной и Юганской сейчас на его месте стоит «второе поколение» жилых домов.

Сакральная география ижемцев Нижнего Приобья

ства [Бернштам, 2009, с. 105–106; Дмитриева, 2006, с. 153–163]. В 1990 г. ставили четырехугольные кресты, современный крест в селе — металлический, восьмиугольный. Придорожные кресты такого типа широко распространены вдоль трасс на территории Тюменской области.

В почитании урочища Кресты можно проследить еще одну параллель, связанную с архетипическим восприятием пространства. Это самое высокое место в окрестностях Мужей, а само селение расположено у р. Малая Обь (при впадении в нее речки Юган), что «накладывается» на мифологическую концепцию представления коми загробного мира. Она, как пишет П.Ф. Лимеров, «реализуется в бинарной оппозиции наиболее высокой и наиболее низкой точек мифологического универсума — рая и ада, соответственными образами которых являются *гора* и окружающее (отделяющее) ее *водное пространство*» [1998, с. 25]. Эти описания коррелируют с теми представлениями об урочище, которые обозначены нами. Таким образом, топография реального пространства является трансверсией пространства загробного. Кроме того, Урал в мифологическом пространстве коми имел «смысловое тождество с загробной горой» [Там же, с. 40], и, таким образом, сам ландшафт (низкое место — высокое место, река и ручьи — возвышенность, «гора») «поддерживает» тенденции мифологического мышления «к сакрализации ближайших горных объектов в соответствии с идеей мировой горы» [Там же, с. 31].

Особый статус территории месторасположения креста, представление о степени ее сакральности с течением времени значительно трансформировались. Так, в результате атеистической пропаганды, изменения формы собственности (частное/колхозное/совхозное оленеводство) утрачена практика почитания обетных крестов. Кардинальное изменение ландшафта (карьер, исчезновение елей, строительство дома) привело к полной утрате знаний об этом почитаемом некогда месте у представителей молодого поколения. В то же время практика посещения Крестов не прерывалась никогда. С одной стороны, это объясняется прагматическими факторами — ягодное место, привлекательный ландшафт, красивые виды. С другой стороны, урочище Кресты стало выполнять роль исторического памятника, памятного места, связанного с легендарными прошлым предков. Ежегодные походы школьников на Кресты, когда озвучивались сюжеты о появлении креста, переходе первых поселенцев через Урал, стимулировали воспроизводство «духовной» составляющей этого места. Несмотря на то что строго регламентированных ритуалов поведения не было, основные детали соблюдались — отдых, чаепитие, шумовые запреты, обеспечивающие представление об «особом» статусе территории.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бернштам Т.А. Народная культура Поморья. М.: ОГИ, 2009. 432 с.
- Власова М.Н. Новая АБЕВЕГА русских суеверий. СПб.: Северо-Запад, 1995. 383 с.
- Воропай И.М. От реки Оби до Северного океана. Репр. изд. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2008. 228 с.
- Голубкова О.В. Этнокультурное взаимодействие северных коми-зырян и русских в сфере сакрального символизма // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006. № 3. С. 101–111.
- Дмитриева С.И. Традиционное искусство русских Европейского Севера. М.: Наука, 2006. 286 с.
- Дмитриев-Садовников Г.М. Экскурсия по р. Сосьве и др. в 1919 г. Дневник экспедиции // Лукич. 2000. № 4. С. 6–63.
- Иванова А.А., Калуцков В.Н., Фадеева Л.В. Святые места в культурном ландшафте Пинежья (материалы и комментарии). М.: ОГИ, 2009. 512 с.
- Конаков Н.Д. Коз [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.komi.com/Folk/komi/389.htm>.
- Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М.: Нов. лит. обозрение, 2001. 576 с.
- Лимеров П.Ф. Мифология загробного мира. Сыктывкар, 1998. 125 с.
- Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка. М.: Наука, 1970. 812 с.
- Матвеев А.К. Вершины Каменного Пояса: Названия гор Урала. 2-е изд., перераб. и доп. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1990. 288 с.
- По обе стороны Двубья / Отв. ред. А.Г. Брусницына; авт. кол.: Т.В. Ануфриева, А.Г. Брусницына, П.М. Гудков и др. Екатеринбург: Автограф, 2010. 260 с.
- Повод Н.А. Коми Северного Зауралья (XIX — первая четверть XX в.). Новосибирск: Наука, 2006. 272 с.
- Сахарова М.А., Сельков Н.Н. Ижемский диалект коми языка. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1976. 248 с.
- Сидоров А.С. Знахарство, колдовство и порча у народов коми: Материалы по психологии колдовства. СПб.: Алетейя, 1997. 175 с.
- Сорокин П.А. Пережитки анимизма у зырян // П.А. Сорокин. Этнографические этюды: Статьи. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1999. С. 24–51.

Е.Е. Ермакова, Н.А. Лискевич

Справочная книга Тобольской Епархии к 1 сентября 1913 г. Тобольск: Тип. Епархиального братства, 1913. С. 382.

Теребихин Н.М. Метафизика Севера. Архангельск: Помор. ун-т, 2004. 272 с.

Федотова О. Кресты на Русском Севере [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://www.sagen.at/doku/okxana/Kreuze_Russland_Norden_Ru_2.html.

Шарапов В.Э. Ель, сосна и береза в традиционном мировоззрении коми // Эволюция и взаимодействие культур народов Северо-Востока Европейской части России. Сыктывкар, 1993. С. 126–146 (Тр. Ин-та языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН; Вып. 57).

Шарапов В.Э. Нателный крест в традиционном мировоззрении коми // Мифология коми / А.Н. Власов, И.В. Ильина, Н.Д. Конаков и др. М.: ДИК, 1999. С. 227–229.

Шарапов В.Э. Нателный крест в традиционном мировоззрении коми // Ставрограф. сб. М.: Древле-хранилище, 2001. Кн. 1. С. 297–306.

Шарапов В.Э. Перна [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.komi.com/Folk/komi/439.htm>.

Шарапов В.Э. Традиционное мировоззрение в обрядах и фольклоре современных коми: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2006. 25 с.

Шарапов В.Э., Власова В.В. Символическое структурирование пространства у современных православных коми // Вестн. Помор. ун-та. Сер. Гуманитар. и соц. науки. 2009. № 4. С. 45–49.

Информанты

Ануфриева Татьяна Васильевна, 1961 г.р., коми, м.р. и м.ж. с. Мужи.

Артеев Иосиф Васильевич, 1929 г.р., коми, м.р. и м.ж. с. Мужи.

Водилова Надежда Васильевна, 1955 г.р., коми, м.р с. Мужи, м.ж. г. Тюмень.

Попов Андрей Васильевич, 1931 г.р., коми, м.р. и м.ж. с. Мужи.

Терентьев Филипп Егорович, 1931 г.р., коми, м.р. и м.ж. с. Мужи.

Хозяинова Анна Федоровна, коми, 1925 г.р., м.р. и м.ж. с. Мужи.

Черкашин П.Р., 1973 г.р., русский, м.р. с. Мужи, м.ж. г. Ханты-Мансийск.

Чупров Иван Иосифович, 1938 г.р., коми, м.р. и м.ж. с. Мужи.

*Тюменский государственный университет

elenaprema@mail.ru

**Тюмень, ИПОС СО РАН

povod_n@mail.ru

Basing on field materials, the article considers practice of ritual space development with Komi from Low Ob' area, which material markers being votive and roadside crosses. It traces history of appearance of the sacral objects, as well as notions and ritual practice associated therewith, as well as their transformations in the early XXI century.

Izhemtsy, the tract of Crosses, Muzhi, votive cross, roadside cross.